

*Питер – это история!
Возможно, самая интересная,
что может произойти с тобой.*

Я сидел на ступеньках на набережной Невы и смотрел в воду, в ней, словно Алые паруса, отражался закат. Кругом царило веселье. Люди шумно разговаривали и громко смеялись. Я лишь улыбался, глядя на них, и один за другим выпускал на воду рисунки из своего альбома. Оставляя белые следы, бумага медленно отчаливала от берега туда, где по темной глади воды сновали «Ракеты», яхты и кораблики. Среди них я увидел катер со шведским флагом. Флаг трепал свежий ветер Невы, мне показалось, что швед смеется надо мной.

Я достал из кармана коробку с кольцом и швырнул ее в катер. Шведский флаг еще раз улыбнулся мне, когда коробка упала на полпути и поплыла. Одним кораблем на Неве стало больше. На сердце стало легче, хотя камень на кольце трудно было назвать камнем, скорее камешком.

А может быть, все дело было в сердце, в Большом сердце Петербурга – вспомнил я ее слова:

– Питер навечно в сердце. Это немудрено: у каждого, кто здесь побывал, оно стало больше. Город – как человек, чтобы его узнать, с ним надо общаться. Я познакомлю тебя с Питером, я открою тебе Большое сердце Петербурга. Я проведу тебя по самым романтическим местам города. Маршрут так и называется – «Большое сердце Петербурга».

– А почему сердце?

— По форме, — показала она на экране карту центра Санкт-Петербурга, по которой пунктиром был проложен маршрут, и повела меня по нему пальцем, словно заманивала:

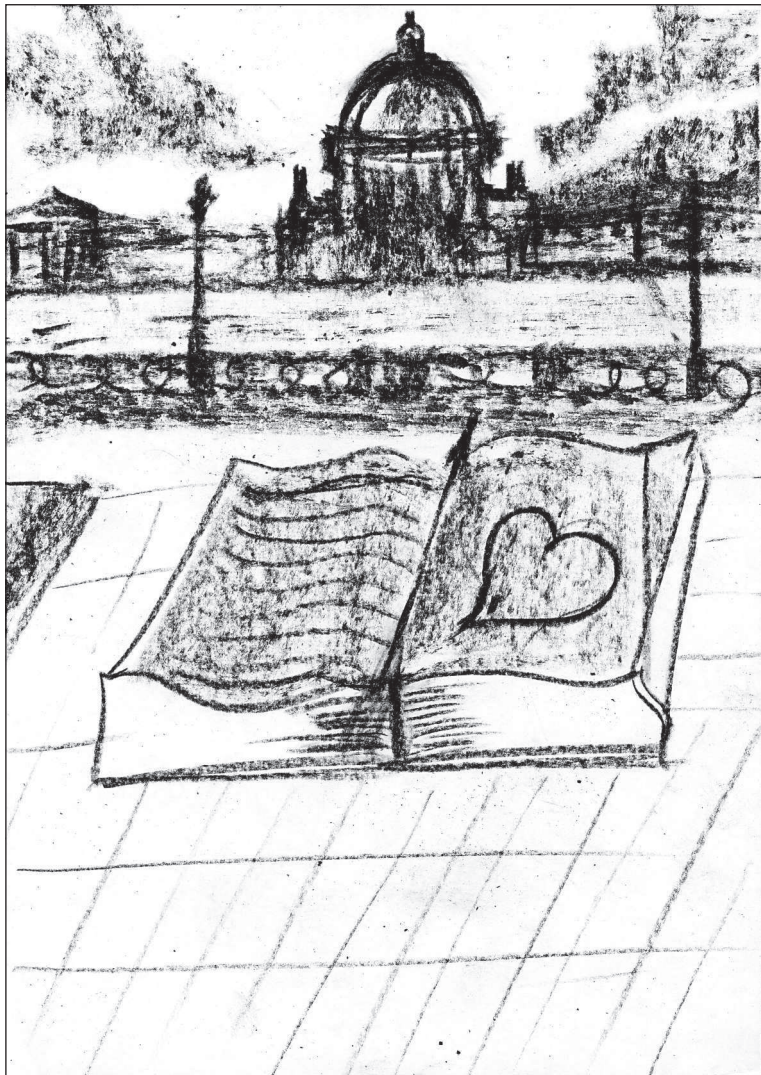
*Набережная канала Грибоедова – Набережная
Крюкова канала – Английская набережная –
Благовещенский мост – Васильевский остров –
Университетская набережная – Стрелка –
Дворцовый мост – Невский проспект*

— Сердце по форме и по содержанию, — добавила она, улыбнувшись.

— Действительно большое. А еще похоже на пару, которая целуется. Она — Кунсткамера, он — Эрмитаж.

— Правда похоже? Как я раньше не заметила.

— Каждому свое: кому — сердце, а кому — поцелуй.

Сфинксы.
Университетская
набережная

*Если что не так, нет смысла менять обои,
меняй сразу город.
Любая одинокая душа, приезжая в Питер,
сразу чувствует себя дома.*

Питер притягивал как магнит романтиков, поэтов, писателей, художников, психов и просто хороших людей. Они стремились сюда, как к источнику, где можно было пополнить запас эмоций. Им казалось, что достаточно было попасть в струю, чтобы творческий родник никогда не иссяк. Они явно были не в курсе, что совсем скоро Питер проникнет в их подкорку и будет сидеть там, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали от этого города, он будет занимать место в мыслях своими улицами, мостами и набережными, своей ветреной романтической атмосферой.

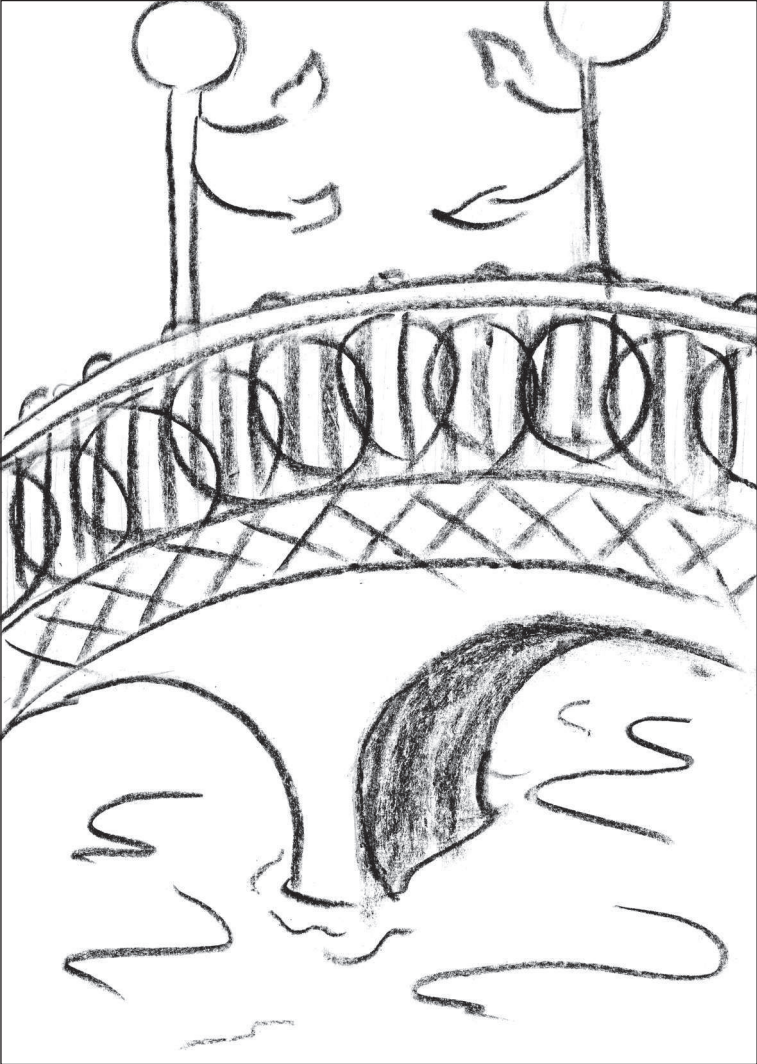
Я тоже не стал исключением и отправился в этот чудный город за своей долей романтики. Как и любой провинциал, я решил зайти в город через Университет или через Арку Главного штаба, но Арка Главного штаба была на реставрации, в лесах, а экзамены в Университет я провалил.

Вышел на набережную, к Неве, она бережно пожурила меня своим спокойным мощным течением. Солнце светило бесперспективно. Я шел куда глаза глядят, скоро они начали различать Сфинксов, которые замерли на своих постаментах, такие же спокойные, как и Нева. Вокруг величественных кошек толпился народ, приятный женский голос окутывал туристов историей:

– Гранитные Сфинксы, которые украшают набережную у здания Академии Художеств, были созданы примерно три тысячи пятьсот лет назад в Древнем Египте. Их лица – портрет фараона Аменхотепа Третьего, чью гробницу они должны были охранять. По приказу следующего правителя статуям откололи бороды и изображения змей на коронах – символы власти. Впоследствии храм был разграблен и сильно пострадал от землетрясения, и долгие столетия Сфинксы пролежали в земле. Их нашли в девятнадцатом веке археологи и, как было тогда принято, выставили на продажу. Русский император Николай Первый выделил средства на покупку – шестьдесят четыре тысячи рублей, по тем временам огромную сумму, и в тысяча восемьсот тридцать втором году гранитных гигантов доставили в Петербург.

Я подошел ближе: приятная юная девушка была обладательницей того самого голоса. Около полусотни ушей внимательно навострились, пытаясь поймать в свежем невском ветре достопримечательные слова. Внимательнее всех были Сфинксы, им нравилось слушать о себе, пусть в тысячный раз, это грело их безупречное самолюбие и напоминало о предках. Я послушал еще немного и побрел обратно к Дворцовому мосту, уже обдумывая план возвращения домой. Возможно, на этом мое близкое знакомство с Питером могло так и закончиться ничем, если бы не одна случайная встреча.

Я познакомился с ней ближе при весьма забавных обстоятельствах. В метро. Это не была любовь с первого взгляда, это был не тот случай, когда люди долго-долго смотрят друг на друга, когда он наконец решается к ней подойти и сказать пару неотразимых слов, но она уже выходит, он за ней, чтобы взять номер телефона... Точнее сказать, я рванул за ней, но совсем по другой причине. Моя сумка зацепилась липучкой за ее чулки. И беспощадные стрелки на них оказались теми самыми стрелами, что разят наповал. Я узнал ее по голосу, хотя в этот раз он был несколько резче, чем там, на набережной.

Анна училась в том самом Университете, в который меня не приняли, и уже работала гидом. Я оказался тем самым туристом, которого она бережно вела любимыми набережными и аллеями, чтобы открыть мне душу города. Именно эти прогулки легко и ненавязчиво позволили мне найти дежурный, служебный вход, дали ощутить романтическую натуру Санкт-Петербурга. Анна показала мне свой Питер. Это был другой Питер. Питер — как один прекрасный дом, на который я все время смотрел с улицы, а тут вдруг позвали туда на чай. Анна провела меня вовнутрь и познакомила с душой города. Это не была любовь с первого взгляда, это была привязанность после первого разговора с мраморным суровым господином по имени Петербург.